

Алексей Кузьмищев

Кот мельника

Алексей Кузьмищев

Кот мельника

«Автор»

2026

Кузьмищев А. А.

Кот мельника / А. А. Кузьмищев — «Автор», 2026

История о Коте в сапогах — самая громкая афера в анналах сказочных хроник. Но что, если эта хитроумная игра — лишь видимая верхушка айсберга лжи, на котором держится весь миропорядок? Представьте: Кот — не беззаветно преданный слуга, а переродившийся чужак, для которого ложь стала единственным инструментом самосохранения. Его хозяин — не подлинный герой, а пешка в хитроумном замысле. Их путь к богатству и титулам оборачивается спуском в кроличью нору, где каждый новый слой обмана открывает ещё более мрачную правду. Что скрывается под слоями лжи: Магия — деградировавшая технология, умирающая под грузом веков и искажённого применения. Королевская власть — не священное право, а изощёренная система паразитизма. Но что произойдёт, когда маленькая, личная афера Кота и его хозяина столкнётся с глобальной ложью системы? Смогут ли двое аутсайдеров разоблачить многовековой обман? Или же их попытка сопротивления лишь ускорит гибель мира, погребя под обломками обе лжи — и малую, и великую?

© Кузьмищев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть I: Кот Мельника	6
Глава 1: Не та Жизнь	6
Глава 2: Сердце Мельницы	11
Глава 3: Холодный Очаг	15
Глава 4: Голос в Тишине	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кот мельника

Глава

Любая достаточно развитая технология неотличима от магии
Третий закон Артура Кларка
Любая достаточно укоренившаяся ложь неотличима от правды
Королевская истина

Часть I: Кот Мельника

Глава 1: Не та Жизнь

Последнее, что я помнил из прошлой жизни – это цифры на табло, отсчитывающие обратно секунды до зеленого. Девять. Восемь. Семь. Голова гудела от шестнадцатичасового рабочего дня накануне дедлайна. В глазах плыли строки кода, которые я не успел закончить. Шесть. Пять. Я шагнул на проезжую часть, думая не о машинах, а о том, что завтра придется объяснять менеджеру, почему патч снова не готов. Четыре.

Фары. Оглушительный рев клаксона, разорвавший ночную тишину. Не грузовик – фургон с логотипом доставки. Яркий, ядовито-желтый.

Три.

Удар. Не боль. Не сразу. Сначала – ощущение полета. Мир перевернулся, улица с ее фонарями и витринами поплыла вверх, а асфальт, холодный и мокрый от недавнего дождя, устремился навстречу.

Два.

Тьма. Не черная, а густая, бархатная, втягивающая в себя.

Один.

И пробуждение.

Пробуждение было не открытием глаз. Оно было нашествием. Мир ворвался в меня не через зрение, а через вибрацию, через запах, через звук, в тысячу раз более острый и раздельный.

Я лежал на чем-то холодном и жестком. Камне? Досках? Мое тело... было не моим. Оно было крошечным, сжатым в комок, залитым ледяной дрожью. Каждый мускул болел так, будто меня пропустили через пресс. Я попытался пошевелиться – и тело отозвалось странно, отчужденно, как плохо управляемый дрон. Вместо руки – лапа, обернутая в мокрую, грязную шерсть.

Паника, чистая и первобытная, ударила в мозг адреналиновым шквалом. Я попытался вдохнуть полной грудью, крикнуть – и издал жалкий, сил্পый звук, нечто среднее между писком и хрипом.

Что? Где?

Воспоминания нахлынули обрывками. Офис. Монитор. Кофе. Фары. Удар. Смерть.

Я умер. Это осознание пришло не как эмоция, а как холодный, неопровержимый факт. Инженер Алексей Соколов, 34 года, переработал, не посмотрел по сторонам и был сбит фургоном доставки на перекрестке у метро. *Баг в реальности. Критическая ошибка. Система «жизнь» завершила работу.*

А теперь... что? Реинкарнация? Исекай? Но в ката? Seriously? Это не обновление, это откат к альфа-версии. Жестокая шутка.

Я заставил себя открыть глаза. Мир был другим. Не по смыслу – по восприятию. Цвета были приглушенными, будто сквозь серый фильтр, но зато контуры – невероятно четкими

даже в полутьме. Я видел каждую трещину на доске под собой, каждую песчинку. И запахи... Боги, запахи! Они обрушились на меня лавиной: гниющие овощи, моча, сырая земля, металл, чья-то старая еда, плесень – и все это одновременно, слоями, каждый со своей историей и направлением. Мой мозг, привыкший к стерильному офису, захлебнулся. Это была сенсорная DDoS-атака.

Я был в узком, темном пространстве – похоже, в проходе между двумя каменными домами. Над головой – полоска грязно-серого неба. Шел мелкий, противный дождь, и каждая капля, падая на шерсть, отдавалась ударом крошечного холода прямо по коже.

Я попытался встать. Лапы подкосились. Я упал на бок, и новая волна информации хлынула через вибриссы – эти странные, сверхчувствительные волоски на морде. Они ощущали малейшее движение воздуха, колебания от далеких шагов, структуру поверхности. Мой человеческий процессор, заточенный под абстракции, не был рассчитан на такой поток сырых, необработанных данных.

Но вместе с паникой пришел и инстинкт. Древний, животный, вшитый в каждую клеточку этого нового «железа». Он шептал простые, непреложные истины: *Холодно. Мокро. Опасность. Спрячься.*

Я забился глубже в щель, под нависающий деревянный поддон. Здесь было чуть суше. Дрожь сотрясала мое маленькое тело. Я сжался в комок, пытаюсь сохранить тепло, и закрыл глаза, чтобы хоть как-то отгородиться от мира.

Мысли метались, пытаюсь найти опору. Запустить процедуру анализа.

Перерождение? Исекай? Но в кот? Это какая-то жестокая шутка.

Почему я помню все? Почему я – все еще я?

Надо выжить. Надо выбраться отсюда.

Я попытался сформулировать план, как делал всегда в кризисных ситуациях на работе. Оценить ресурсы, угрозы, поставить цели.

Ресурсы: биологический дрон (тело молодого кота, ТТХ неизвестны), набор гиперчувствительных сенсоров, бортовой компьютер с несовместимым ПО (человеческий разум).

Угрозы: ВСЕ. Холод. Голод. Более крупные животные. Люди.

Цель: не умереть в следующие несколько часов.

Я должен был проверить самое важное. Я сглотнул, ощущая странную сухость во рту и шершавость языка. И попытался сказать. Просто произнести слово. Любое.

«Тест», – хотел я выдохнуть.

Из горла вырвалось невнятное «Мр-те-ессс», больше похожее на мяуканье с присвистом. Отчаяние накатило новой волной. Значит, и это отняли? Я замер, сосредоточившись. Представил голосовые связки, положение языка, поток воздуха – все, что знал о физиологии речи. Я инженер, черт возьми, я должен понимать механику!

Я снова попытался. Медленно, по слогам, преодолевая сопротивление непривычной гортани. Мне пришлось задействовать крошечные, глубокие мышцы, которые раньше лишь вибрировали при мурлыканье. Я почувствовал, как их сводит судорогой от непривычного усилия. И в этот момент, на пике концентрации и фрустрации, краем зрения я поймал *что-то*. Воздух

вокруг моей морды на секунду задрожал, как над раскаленным асфальтом. Тени под доской сжались, стали гуще. Миг – и все исчезло.

«Во-да».

На этот раз получилось. Звук был тихим, скрипучим, неестественным, но это было слово. Человеческое слово.

И странный визуальный глюк... Случайность? Перегрузка сенсоров?

Нет это не было похоже на перегрузку зрения. Это было... иначе. Словно я дернул за невидимую нить, и мир на мгновение отреагировал. Как будто команда ping вернула неожиданный ответ от самого пространства

Но облегчение было мимолетным. Следом пришел леденящий ужас. Если я заговорю при людях, при любом живом существе в этом явно недружелюбном средневековом мире... Меня сочтут демоном. Сожгут. Забьют камнями. Утопят в мешке.

Этот «дар» был смертельным багом. Его нужно было спрятать. Запечатать. Забыть. Я должен был стать котом. Настоящим котом. Думать как кот, двигаться как кот, молчать как кот. Выживание зависело от этого.

Но как заглушить собственные мысли? Как отключить часть себя?

Резкий скрежет железа где-то рядом заставил меня вздрогнуть и вжаться в землю. Потом – тяжелые, грубые шаги и мужской голос. Я не понимал слов, но интонация была кристально ясной: раздражение, усталость, угроза. Мой кошачий софт считывал эмоции, а человеческий процессор достраивал вероятный смысл: «Чертова погода... кончится эта смена...» Шаги приближались.

Инстинкт кричал: *Не двигайся! Замри!*

Я замер, слившись с тенью и грязью. Человек прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. Его запах – пот, дешевое пиво, грубая шерсть – на секунду перекрыл все остальные.

Когда шаги затихли, я понял две вещи. Первая: инстинкты этого тела были моим самым мощным союзником. Вторая: я умираю от голода. Пустота в животе была не просто ощущением – это была всепоглощающая, ноющая боль, заставлявшая все мысли сводиться к одной: ЕДА.

Я высунул голову из укрытия. Дождь почти прекратился. Узкая улочка, вымощенная булыжником, грязная и неопрятная. Где-то вдали слышались крики торговцев, лай собаки.

И тогда я увидел Ее. Мышь.

Она копошилась у основания деревянной сваи, в двадцати сантиметрах от меня, роясь в каких-то объедках. Она была серая, с длинным голым хвостом, и для человеческого глаза – просто вредитель, существо, вызывающее брезгливость.

Но для моего нового «железа», для моего кошачьего софта, это было нечто иное. Это был знак. Цель. Жизнь. Система приоритетов перезагрузилась мгновенно.

Вся моя физиология перешла в режим «Охота». Дрожь от холода исчезла, сменившись напряженной, пружинистой готовностью. Зрачки расширились, вбирая последние крохи света. Уши повернулись вперед, ловя каждый шорох. Все запахи, кроме одного – теплого, мясного, живого запаха добычи – отступили на второй план.

Мой человеческий разум в ужасе наблюдал за этим. *Это же мышь. Переносчик болезней. Это отвратительно.*

Но тело уже не слушало. Оно присело на корточки, бедра задрожали от сдерживаемого импульса. Хвост, о котором я до этого момента почти забыл, замер за спиной, лишь самый кончик подрагивал.

Мышь что-то почуяла. Она замерла, подняв мордочку, носик задрожал.

В этот момент инстинкт и разум слились воедино, выдав холодный, четкий расчет. *Расстояние. Покрытие. Траектория. Угол атаки. У мыши путь к укрытию короче. Прямая атака провалится.*

Я не бросился. Я сделал один бесшумный, плавный шаг вбок, за тень от сваи. Потом еще один. Я не дышал.

Мышь, не обнаружив прямой угрозы, снова склонилась к еде.

Это был мой шанс.

Мышцы сжались в тугую пружину. Мир сузился до серого комочка шерсти. Инстинкт выкрикнул команду. Разум ее одобрил.

Я рванул с места. Не по прямой, а по короткой дуге, отрезая путь к ее норе. Лапы, еще неуверенные минуту назад, сработали идеально – бесшумный, стремительный бросок.

Мышь пискнула и метнулась – но прямо под мою опускающуюся лапу.

Удар. Приглушенный хруст. Теплота под подушечками.

Все кончилось.

Я стоял над маленьким теплым телом, и ужас наконец догнал меня. Тот самый человеческий ужас. Я только что убил. Своими лапами. Раздавил жизнь.

Но тело не видело трагедии. Оно видело пищу. Слюна наполнила рот, острые клыки сами обнажились. Живот скрутило от голода уже не как просьбу, а как приказ.

Внутри меня бушевала война. Цивилизация против природы. Разум против инстинкта. Брежливость против голодной смерти.

Голод победил.

Это было не похоже на человеческую еду. Это было жестко, костляво, на вкус – железо и страх. Но это была энергия. Жизнь, перемолотая в жизнь.

Когда я закончил, от мыши осталось лишь пятно и несколько косточек. Я вылизал лапу, и движение языка было странным, но правильным. Впервые за это время в теле появилась тень сытости, слабое, но реальное тепло. И вместе с ней – горькая, саморазрушительная мысль.

Кот в сапогах.

Всплыло из детства, как пузырь со дна. Хитрый кот, который добыл хозяину состояние и титул. Какая ирония. Здесь я был котом, которому повезло бы найти хоть какие-нибудь портянки, не то что сапоги. И добыча моя была не золотом, а костями и шкуркой в собственных зубах. *Версия 0.1. Патч «Выживание».*

Я отполз обратно под поддон, прячась от внезапно нахлынувшей слабости после адреналина. Я выжил. На один день.

Лежа в темноте, слушая, как город просыпается вокруг, я понял правила этой новой игры. Я – кот.

Мой человеческий разум – инструмент, а не личность. Его нужно прятать.

Мой голос и любые «глюки» – смертельный секрет.

Чтобы жить, мне придется убивать.

Где-то вдали пробили церковные колокола, их звук разносился над крышами фахверковых домов. В моей старой жизни они бы означали час дня. Здесь они, наверное, означали что-то свое.

Я закрыл глаза, стараясь не думать о фарах, об асфальте, об остывающей чашке кофе на рабочем столе. Это все было не здесь. Здесь была только холодная земля, вкус крови на языке и один-единственный, выжженный в сознании приоритет: **Выжить. Любой ценой.**

Глава 2: Сердце Мельницы

Холод стал частью меня. Он вьелся в кости, замедлил кровь. Я научился выживать: красть вчерашний хлеб, пить дождевую воду, чують свору бродячих псов за квартал. Я стал хорошим котом. Эффективным биологическим дроном в режиме энергосбережения. Но удача – ненадежный союзник, а код города полон непредсказуемых багов в лице жестоких детей.

Конец наступил не от голода, а от слепой жестокости. Я крался за вонючей телегой мясника, вынюхивая, не упадет ли обрезок. Не услышал тихого шороха из-за забора. Удар в бок был оглушительным – не лапа, а палка. Дети, большие и злые, с визгом набросились на «воришку». Я рванул прочь, адская боль пронзала ребра при каждом прыжке. За мной гналась свора дворняг, подстрекаемая детским смехом.

Я бежал, захлебываясь, петляя по дворам. Один из псов, самый быстрый и наглый, догнал и вцепился зубами в основание хвоста. Я взвыл от боли и ужаса, вырвался, оставив клочок шерсти и кожи в его пасти, и в панике прыгнул через низкий забор. Не рассчитал. Упал не на ноги, а на бок, с глухим стуком ударившись о камень. В ушах зазвенело. Перед глазами поплыли черные пятна. Я пополз, волоча заднюю лапу, которая отказывалась слушаться. Запах крови – моей крови – манил псов. Их лай становился все ближе.

Я забился под разваливающийся сарай, в стог промокшего, прелого сена. Боль и холод сплелись в один бесконечный спазм. Дрожь стала мелкой и непрерывной. Мысли замедлялись. Вспоминалось странное: запах свежеспиленной сосны на даче, тепло лампы над рабочим столом... вкус горячего супа, которого не будет никогда. Система давала сбой, выдавая случайные файлы из архива памяти.

Я уже почти не чувствовал ничего, когда услышал шаги. Тяжелые, размеренные. Они остановились рядом. Я приоткрыл глаз, увидел только грубые кожаные сапоги, забрызганные грязью и белой пылью. Мукой. Мельник. По запаху. Не городской смрад – запах зерна, камня, речной воды и чего-то старого, пыльного, похожего на пергамент.

Сапоги присели на корточки. Тихий вздох.

– Ну и видок, – произнес низкий, хриловатый голос. В нем не было ни брезгливости, ни сюсюканья. Была констатация факта. – Кончаешься, братец.

Рука в грубой рукавице протянулась. Я ждал удара. Но пальцы, удивительно ловкие и осторожные, ощупали мои бока, шею, остановились на ране у хвоста и неестественно вывернутой лапе.

– Собаки... и палкой, – пробормотал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то кроме нейтральности – холодное, тихое неодобрение. – Жив еще. Чуть-чуть.

Следующее, что я помню – это качка. Я был завернут в его грубый холщовый плащ, меня несли куда-то, прижимая к теплой, твердой груди. Потом – резкая перемена. Холод и сырость сменились сухим, пыльным теплом. Запах крови и страха вытеснил сложный, многослойный аромат: горящие дрова, вареная крупа, сушеные травы, дерево, камень и вездесущая мучная пыль.

Меня положили на старую овчину у огня. Жар обжег кожу. Ко мне поднесли миску. Теплое молоко с крошками хлеба, пропитанными жиром. Инстинкт рванулся вперед. Но разум заставил замереть. *Осторожно. Протокол «Доверие» не инициализирован.*

Надо мной склонилось лицо старика. Изрезанное морщинами, с густыми седыми бровями и пронзительными глазами цвета речного омута. Он смотрел на меня изучающе. Как на... явление. Или сложный механизм, который нужно починить.

– Пей, – сказал он просто. – Умрешь – зря тащил.

Это не была доброта. Это была практичность. И в этой практичности было больше честности, чем в любой слащавой жалости. Я сунул морду в миску. Система приняла ввод данных: *«Потенциальный союзник. Мотивация: прагматизм»*.

Так началась моя новая жизнь. Мельника звали Хартмут. Первые недели я просто зализывал раны в режиме низкого энергопотребления. Он не был лекарем, но знал, как смешать пасту из трав, чтобы снять воспаление, и как наложить шину из щепок и тряпиц на мою лапу. Он делал это молча, сосредоточенно, как инженер-ремонтник, и я терпел боль, потому что в его прикосновениях не было жестокости, только точность.

Он говорил со мной. Не сюсюкал. Он говорил, как с равным, которому просто не положено отвечать. Или как с безотказным логирующим устройством.

– Весенний паводок. Река нервничает. Придется ослабить зажим на западном шквале, – бурчал он, глядя на воду, еще скованную льдом.

– Старое зерно. Дух уже не тот. Для помола не годится, – а для чего-то другого?

Я отвечал молчанием. Но мой внутренний процессор анализировал. Его речь была слишком грамотной для простого мельника, в ней проскальзывали обороты, которых не знали даже городские писцы. На полке, за банками с травами, лежала книга в кожаном переплете – не молитвенник, а что-то с чертежами и странными символами, напоминавшими электрические схемы или древний ассемблер.

Время текло тихо и почти незаметно. Снег растаял, обнажив подснежники у реки. Моя шерсть отросла густая и блестящая, болезненная неуклюжесть сменилась грацией взрослого кота. Лапа зажила, оставив лишь едва заметную хромоту в сырую погоду – напоминание о баге в системе навигации.

Как-то раз, когда он, ковыляя от старой боли в колене, нес тяжелый мешок, я не выдержал. Мое человеческое «спасибо» было заперто внутри, но кошачья часть, переполненная теплом и сытостью, выдала то, что я так долго подавлял. Я подошел и начал тереться о его ногу, запустив мотор громкого, беззлобного мурлыканья. Это был звук абсолютного доверия. *Сигнал «соединение установлено»*.

Хартмут остановился, поставил мешок. Его рука, шершавая и тяжелая, опустилась мне на голову. Не погладила, а просто легла, как печать. Как подтверждение установленного коннекта.

– Вот так-то лучше, – сказал он. И в его голосе прозвучало что-то, отдаленно похожее на одобрение.

В тот же вечер я поймал свою первую мышь в его амбаре. Не из голода – миска была полна. Я положил тушку аккуратно у порога его комнаты. Не подарок. Отчет. *«Задание по защите активов выполнено. Вредитель нейтрализован»*. Он посмотрел на мышь, потом на меня, кивнул и выбросил ее. Принято к сведению.

Летом появился он. Томас. Младший сын. Приходил раз в несколько недель, не с грубыми шутками и требованием денег, как старшие братья, а с узелком еды – лепешкой, куском сыра. Он был тихим, с неуверенными движениями и глазами, в которых читалась не глупость, а какая-то задумчивая, подавленная грусть.

– Отец, – говорил он, оставляя узелок на столе.

– Садись, – бурчал Хартмут, и в его голосе не было той ледяной сдержанности, что с другими.

Они мало говорили. Томас мог молча час чинить забор, а Хартмут наблюдать за ним, изредка ворча: «Держи рубанок ровнее» или «Эта доска гнилая, бери другую». Это не было обучением ремеслу. Это была передача... состояния. Спокойствия. Томас уходил, неся с собой не монеты, а это тихое, неуловимое чувство порядка, которое витало вокруг мельницы. Мой кошачий софт маркировал его: «*Не угроза. Потенциально полезный элемент системы*».

Однако пастораль не была такой уж обычной. Странности начались ночью. Иногда, очень редко, когда он был один, его пальцы сами собой начинали в воздухе выводить те же символы, что были в книге, и от них исходило слабое, синеватое свечение. Не магия в ее взрывном, сказочном понимании. Это выглядело как... калибровка. Настройка невидимых инструментов.

Однажды, глубокой ночью, я проснулся от тихого, низкочастотного гула, исходящего из-под пола. Не звук, а вибрация, которую чувствовали кости. Я спустился в подвал. Дверь была приоткрыта.

То, что я увидел, подтвердило все догадки. Это была не кладовая. Это был *машинный зал*. На отполированном каменном полу был выложен сложный геометрический круг из вкрапленных металла и цветного камня – напоминающие печатную плату или схему гигантского конденсатора. В центре стояла точная, миниатюрная копия жерновов из темного, отливающего синим металла. Она вращалась сама по себе, без видимой приводной силы.

Хартмут стоял перед ней. В руках – не посох, а скорее *калибровочный жезл*, увенчанный кристаллом. Он не молился. Он *настраивал*. Говорил на гортанном, древнем языке, полном скрежета камня и шелеста листьев. Языке *инструкций*, а не молитв. Воздух вибрировал от энергии, но это была не яркая, взрывная сила. Это было *давление*. Фундаментальная сила, удерживающая реальность от расползания по швам. Магия системного администратора, а не рядового пользователя.

Он закончил, свечение пошло на убыль, и повернулся. Его глаза в полутьме светились тем же приглушенным синим – светом активной диагностики.

– Подслушивать нехорошо, – сказал он на обычном языке. В его голосе не было гнева. Была усталость. И понимание. – Ладно уж. Видно, судьба. Иди сюда.

С того дня я стал его молчаливым учеником. Он не объяснял, но и не скрывался. Я сидел на ступеньках и наблюдал, как он «балансирует потоки» (регулировал перепады энергетического давления), «проверяет целостность швов» (сканировал точки напряжения в ткани мира). Он называл мельницу «Стабилизатором», «Якорем» и «Сторожевым Постом».

– Дворяне думают, что магия – это вспышки и иллюзии, – сказал он однажды, глядя на карту звездного неба, нарисованную на столе. – Они гоняют рябь на воде, думая, что управляют рекой. А настоящая сила – в том, чтобы чувствовать течение у самого дна, править жернова, которые мелют саму ткань бытия. Моя семья... мы Хранители. Не по крови дворянской, а по долгу. Те, кто чувствует ритм земли и умеет его поддерживать. Наш орден старше их корон. И гораздо скромнее.

Так я узнал правду. Это же было Интерфейс и ядро системы. Он говорит о доступе к уровню ядра. Он не был дворянином. Он был *сисадмином реальности*. Стражем невидимой плотины. И его магия была не даром крови, а *знанием*. Жестким, логичным, передававшимся через поколения таких же, как он, смотрителей ключевых точек мира.

Между нами возникла связь, глубокая и безмолвная. Он был одиноким хранителем тайны. Я – одиноким существом с тайной. Мы понимали друг друга без слов. По вечерам я забирался к нему на колени, и он чесал мне за ухом, а я мурлыкал, заглушая своим звуком вечный, тихий гул камня – *белый шум стабилизированной реальности*.

Прошла еще одна зима. Хартмут стал двигаться еще медленнее, его кашель по ночам звучал глубже, как скрежет изношенных шестерен. За неделю до конца он провел в подвале целую ночь. Утром вышел бледный, изможденный, но с выражением мрачного удовлетворения на лице. Вид программиста, нашедшего и исправившего критическую ошибку ценой бессонной ночи.

– Подтянул гайки, – сказал он мне, опускаясь на стул у очага. – Надолго должно хватить. Система будет стабильна... какое-то время.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Не на кота. На *преемника*.

– Тебе придется присмотреть, братец. Когда меня не станет. Не дай ей сломаться.

Я не понял тогда до конца. Но кивнул, как умел, тыкаясь головой в его ладонь. «*Копия протокола принята. Ошибка: носитель несовместим*».

Однажды утром он не проснулся.

Я запрыгнул на кровать. Он был еще теплый, но дыхания не было. Лицо спокойное, без муки. Как будто просто решил отложить свои дела – навсегда. Завершил сеанс.

Тишина в мельнице стала иной. Это была не тишина покоя. Это была тишина *остановившегося сервера*. Вечный, фоновый гул жерновов, тот самый, что я чувствовал костями, затих. Мир будто замер, прислушиваясь. Ожидая сбоя.

Я улегся у его остывающей руки, прижался к грубой ладони, которая спасла, выходила и научила видеть невидимое. И завыл. Тихим, протяжным, не кошачьим звуком. Это был плач. По другу. По отцу. По дому. По единственному месту в этом жестоком мире, где две моих половинки – человек и кот – нашли покой и цель.

Я знал, что это конец эпохи. Скоро придут другие. Пользователи. И для них я буду всего лишь *артефактом на рабочем столе*. Бесплезным, как остановившиеся жернова. Но я-то знал. Я знал, что они вращались не просто так. И что долг Хранителя, пусть и на четырех лапах, с несовместимым ПО и без доступа к исходному коду, еще не окончен. Система должна работать.

Глава 3: Холодный Очаг

Тишина после смерти – это не отсутствие звука. Это иная субстанция. Густая, тягучая, она впитывала в себя каждый шорох, делая его оглушительным. Я лежал, прижавшись к остывающей руке Хартмута, и слушал, как эта новая тишина пожирает мельницу.

Сначала исчез гул. Тот самый, глубинный, что исходил от камней. Он затих первым, будто сердце мира перестало биться под нами. Потом привычные звуки – скрип половицы, потрескивание остывающих углей – стали резкими, отрывистыми, чужими. Мельница превращалась из живого организма в скорлупу. В гроб. Сервер отключили, оставили только корпус.

Я не отходил от него весь день. Я был тем, кому он дал второй шанс. И я оставался на посту. Последний процесс в завершившейся системе.

На вторые сутки голод и жажда выгнали меня вниз. Пепел в очаге был холодным. Котел пуст. Я съел вчерашнюю похлебку, уже покрытую пленкой. Каждый глоток был предательством. Обновление кэша за счет памяти.

После этого я не смог вернуться в спальню. Я бродил по опустевшей мельнице. Это было кощунство. В помольной гигантские жернова были просто глыбами мертвого камня. В подвале – пыль и сырость. Магия ушла. Интерфейс не отвечает.

На полке, среди немногих вещей Хартмута, я нашел кожаный мешочек. Внутри – плоский черный камень с вырезанным знаком и клочок пергамента. На нем, под древними символами, была пометка на обычном языке: «Ключ в сердце камня. Врата в сердце ветра. Один стережет, другой ведет.»

Сердце камня. Жернова. Врата в сердце ветра? Лопасты? Мой инженерный ум ухватился за загадку, но понимания не приходило. Шифр без дешифратора. Пароль к терминалу, к которому нет доступа.

Потом я нашел Книгу. Ту самую, в кожаном переплете. Я водил лапой по странным символам, и случилось нечто. Символы не просто лежали на пергаменте. Они *отозвались*. Слабым, едва уловимым теплом, знакомой вибрацией «стабильности», которую я помнил по гулу жерновов при жизни Хартмута. В периферийном зрении они на мгновение словно сдвинулись, ожили, пытаясь сложиться в понятную форму. Это длилось доли секунды. Магия не ушла. Она спала. И эта книга была одним из ее снов. Бессильная ярость обожгла меня. Все ответы были здесь, под моей лапой, и я был так же далек от них, как от своей прошлой жизни. Я спрятал мешочек с камнем и запиской в тайник. Амулет и загадка. Ключ без замка. Резервная копия на неподдерживаемом носителе.

На третий день пришли мухи. Их жужжание и усилившийся запах выгнали меня из спальни окончательно. Природа начала процесс рекультивации.

Они явились на четвертый день, с рассветом. Не с тихими шагами скорби, а с грохотом подвод, ржанием лошадей и громкими голосами. Мельницу окружили.

Первым ворвался старший, Карл – крупный, рыжебородый, пахнущий луком и агрессией. За ним – тощий, жадный Отто. И последним – Томас.

Я вспомнил его. За прошедший год он приходил несколько раз. Не смеялся над отцом, как другие, а молча помогал таскать мешки. Хартмут смотрел на него с теплотой, которой не было в его взгляде на старших сыновей. Теперь Томас стоял в дверях, бледный, в самой поношенной одежде, с лицом, на котором уже читалась обреченность. Он выглядел как человек, которого привели на собственную казнь.

– Черт, воняет! – сморщился Карл. – Ладно. По коням. Надо делить.

Они поднялись наверх. Я юркнул в нишу.

То, что началось, не было похоронами. Это был обыск. Карл, войдя в спальню, фыркнул: «Отмучился». Отто уже шарил глазами по сундуку. Только Томас застыл на пороге, глядя на лицо отца. Его собственное лицо будто обвалилось изнутри. Он сделал шаг, рука дрогнула, но Карл грубо оттолкнул его.

– Нечего тут реветь. Искать надо.

Начался разгром. Они вытряхивали сундуки, швыряли простыни, ощупывали стены. Хартмут лежал посреди этого хаоса.

– Ничего! – взревел Карл, швырнув на пол потрепанную Книгу. – Старый скряга! Только эта проклятая мельница!

– Да она и даром никому не нужна, – буркнул Отто, подбирая медные монеты. – Камни да бревна.

Томас молча поднял Книгу, осторожно стряхнул пыль и прижал к груди. Этот жест был таким тихим и личным на фоне грабежа, что у меня сжалось сердце. Он держал не книгу, а оправдательный приговор, написанный на языке, который не мог прочесть.

Спустившись, Карл, как хозяин, вынес вердикты: лошадь – ему, телега – Отто, инструменты пополам, мука – его жене. Томас стоял у стены, сжимая Книгу, и ждал. Ждал удара, который знал, что получит.

– Ну а ты, Томас, – Карл обернулся к нему. – Ты всегда был у отца любимчиком. На мельнице околачивался. – Он презрительно ткнул пальцем в сторону помольной. – Ну что, покажи, чему он тебя научил? Запусти-ка ее. Смели нам муки. Докажи, что она хоть что-то стоит.

Все замерли. Жены братьев с хищными улыбками, дети, переставшие бегать. Даже Отто с интересом посмотрел на брата. Это была не просьба. Это была ловушка. Публичное унижение. Стресс-тест на бесполезность.

Томас побледнел еще больше. Губы его плотно сжались. Я увидел, как его кулаки разжимаются и сжимаются – короткая, яростная вспышка, тут же задавленная годами привычкой подчиняться. Он медленно поставил Книгу на стол и пошел к жерновам. Его движения были неуверенными, будто он шел по льду.

Он потянул рычаг сброса, попытался провернуть маховик. Каменные глыбы не дрогнули. Он налег всем весом, лицо покраснело от усилия, жилы на шее надулись. Тишина. Жернова были мертвы. Без Хартмута, без его тихой магии настройки, они были просто тоннами бесполезного камня. Окончательное доказательство.

В зале раздался сдавленный смешок Отто. Карл усмехнулся широко и победно.

– Вот и все. Бесполезная развалюха. И бесполезный брат. – Он широким жестом обвел грязную комнату с холодным очагом. – Забирай свое наследство, «любимчик». Мельница – твоя. Со всеми ее... богатствами.

Отто хихикнул.

– И кот, – добавил он, кивнув в мою сторону. – Чтоб не скучно было. Может, мышей тебе наловит, раз хлеба не будет.

Жены захихикали. Дети закричали: «Смотри, киска! Дай поймать!»

Томас взглянул на меня. В его глазах не было ни злобы, ни интереса. Только пустота, смешанная со стыдом, который пожирал его изнутри. Он видел в мне последний, живой символ своего поражения. Еще одно бесполезное, голодное бремя. Его взгляд говорил: «Прости. Мне и за себя нечем платить».

– Спасибо, – тихо сказал он, и это слово прозвучало как приговор самому себе. Как признание вины в собственной несостоятельности.

Холодный очаг

Похороны были быстрыми и циничными. Братья, нехотя, выкопали яму на краю роци за мельницей. Завернули Хартмута в ту же простыню, на которой он лежал, и сбросили в землю,

даже не сказав слов. Томас стоял в стороне, не плача, просто глядя в пустоту. Его лицо было каменным, но я видел, как дрожит его нижняя губа, как он кусает ее изнутри, чтобы не выдать ничего. Когда яма была закопана, Карл хлопнул его по плечу, едва не сбив с ног.

– Ну, мы поехали. Много дел.

Они ушли так же шумно, как и пришли. Забрали лошадь, телегу, мешки, инструменты, котелок, одеяло, запасы еды. Оставили голые стены, холодный очаг, свежую могилу за окном и нас двоих. Очистили систему от всех полезных ресурсов.

Грохот телег затих. Наступила тишина. Но теперь это была тишина иного рода. Не священная тишина смерти Хранителя, а гнетущая, унижительная тишина опустошения. Тишина, в которой эхом отдавались слова «беспольный», «развалюха», «даром никому не нужна».

Томас не двигался. Он стоял посреди комнаты, потом его плечи дрогнули. Он не заплакал. Он издал короткий, надрывный звук, похожий на стон затравленного зверя, и опустился на пол, прислонившись спиной к холодному камню очага. Его взгляд упал на Книгу, лежащую на столе – наследие отца, которое он не мог прочесть, ключ к тайне, которую не мог понять. И к мельнице, которую не мог запустить.

«Прости, отец, – прошептал он в тишину, голос сорвавшийся на хрип. – Я не смог. Они... они были правы. Я ничего не стою».

Это была не констатация. Это было самоубийство души, произнесенное вслух.

Я слез с лестницы и начал свою работу. *Протокол «Превенция системного коллапса»*. Сначала я притаился и положил к его ногам жирного пасюка, только что пойманного в амбаре. *«Ввод ресурсов. Пища»*. Он слабо махнул рукой, отшвырнув тушку с выражением глубочайшего отвращения – не к мыши, а к самому акту необходимости выживать.

Затем я приволок старую, относительно чистую тряпку – фартук Хартмута. Подсунул ему под бок. *«Улучшение условий. Теплоизоляция»*. Он даже не посмотрел.

Я запрыгнул ему на колени, свернулся клубком и запустил мотор на полную мощность. Вибрация должна была пройти сквозь оцепенение. *«Тактильный и звуковой стимул. Мурлыканье – 25 герц, режим «заживание»»*. Его рука лежала на моей спине мертвым грузом. Он смотрел сквозь меня, сквозь стены, в какой-то внутренний ад, куда мне не было доступа.

В отчаянии я начал громко, требовательно мяукать у пустой миски, тыкаться мордой в его безвольную руку. *«Триггер «ответственность». Запрос на действие»*. Ничего. Его глаза были остекленевшими, устремленными в никуда, в то самое будущее, где не было ни еды, ни надежды, ни справедливости. Только холод, голод и ярлык «беспольный», вбитый в сознание насмешками братьев и немymi жерновами.

Я сел в двух шагах от него, наблюдая. Он был не статичен. Иногда его нога дергалась в короткой судороге подавленной ярости. Иногда он глухо кашлял, и в кашле слышалось рычание. Он не просто сидел. Он горел изнутри – стыд и злость тлели в нем, но не находили выхода, кроме как выжигать последние остатки воли. Он пытался что-то сделать – встать, подойти к окну, – но после двух шагов останавливался, будто упирался в невидимую стену собственной никчемности, и снова опускался на пол.

Он не сдался. Он капитулировал. Принял приговор как справедливый.

А я оставался один. Снова. В холодном очаге опустевшего сердца мира. С секретом, который мог стоять мне жизни, с амулетом в тайнике и книгой загадок, которую не мог прочесть ни я, ни тот, кто держал ее в бессильных руках.

Я посмотрел на его грубые, беспомощные руки. И подумал о сапогах. О маленьких, крепких сапогах. Это была безумная мысль. Последняя надежда в мире, где все надежды, казалось, были похоронены в неглубокой могиле за окном. Как для сломанной системы. Но для него нужен был доступ к терминалу. Нужно было нарушить главное правило... Придется запускать рискованный код.

Глава 4: Голос в Тишине

Тишина после ухода братьев затянулась, как гнилая рана. Она не заживала, а лишь глубже въедалась в стены мельницы, в кожу, в кости. Система впала в состояние полного зависания, не отвечала на внешние стимулы.

Томас не сдвинулся с места у очага. Он сидел, поджав колени, и смотрел в одну точку – на замочную скважину двери, за которой лежал его отец. Он не плакал. Не роптал. Он просто... остановился. Дыхание его было поверхностным, почти незаметным. Он превратился в статую скорби, высеченную из самого отчаяния. Человек-процесс, завершивший работу с кодом ошибки «Бесполезность».

Я пытался. Боги, как я пытался. Запускал все стандартные протоколы.

Сначала – практично. Я притащил и положил к его ногам жирного, только что пойманного в амбаре пасюка. Добыча была тяжелой, я тащил ее, зажав в зубах, чувствуя, как теплая кровь сочится на подбородок. Я положил мышь аккуратно, почти торжественно. Ввод данных: *«Ресурс. Пища»*.

Томас взглянул на тушку. Его лицо исказилось не голодом, а глубочайшим отвращением. Он слабо махнул рукой, отшвырнув мышь в угол. Жест был не злым, а бессильным. Как будто он отгонял не пищу, а самую навязчивую идею продолжения. *«Ошибка: неверный тип данных. Отклонено»*.

Потом – тепло. Вечера становились холодными. Я запрыгнул к нему на колени, свернулся клубком и запустил мотор на полную мощность. Мое мурлыканье, такое громкое и вибрирующее, что, казалось, должно было расшевелить камни, заполнило комнату. Я терся головой о его неподвижную руку, тыкался влажным носом в ладонь. *«Стимул: тактильный, звуковой, частотный. Цель: активация системы»*.

Он не оттолкнул меня. Но и не приласкал. Его рука лежала на моей спине мертвым грузом. Он смотрел сквозь меня, сквозь стены, в какой-то внутренний ад, куда мне не было доступа. Мое кошачье обаяние, срабатывавшее даже на угрюмого Хартмута, разбилось о ледяную стену его апатии. *«Соединение не установлено. Таймаут»*.

На третий день я понял масштаб катастрофы. Он не просто горевал. Он принял решение. Решение умереть. Здесь, в этой конуре, в тени отцовского наследия, которое стало его могильным камнем. Это была тихая, пассивная суицидальность. Он не перережет себе вены. Он просто перестанет есть, пить, двигаться. И тихо угаснет, как уголь в холодном очаге. Запущен скрипт самоуничтожения.

А я умру рядом. От голода. Или, когда он ослабеет окончательно, меня съедят крысы. Или придут бродяги. Или просто холод. Сопутствующее повреждение системы. Каскадный сбой.

Мысль вызвала во мне не страх, а яростное, белое негодование. Нет. Нет, черт возьми! Не так. Я не для того выживал в переулках, не для того Хартмут вытащил меня с того света, чтобы сдохнуть здесь, в этой пыльной норе, из-за чужого сломленного софта!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.